

*На краю Руси обширной,
Вдоль Урала берегов,
Проживает тихо, мирно,
Войско кровных казаков.*

*Песня Уральского казачьего
войска*

УРАЛЬСК

*Мне б только знать отныне,
на века,
Приняв в родню всю даль
страны огромной,
Что — главное — останется
река,
На берегу которой молвлю:
— Дома!*

Татьяна Азовская

Уральск!.. Это слово — произнесённое вслух — при мне, особенно из уст незнакомого человека, где-нибудь в пути, на вокзале, в аэропорту, чужом городе, куда частенько заносила меня какая-либо нужда, даже в вечной повседневной суете жизни —

всегда заставляет меня внутренне вздрогнуть. Так, наверное, вздрагивает пожилой уже человек, когда при нём вдруг кто-то посторонний назовёт фамилию, имя и отчество его матери или отца, которых давно уже нет в живых...

И сразу нахлынут широким, горячим степным потоком воспоминания детства — самого счастливого времени моей жизни.

Урал в ледоход, с лёгкостью крушащий метровый лёд, поднимающий огромные льдины, его безудержный весенний разлив на Бухарскую сторону — аж на семь километров до Подстёпного, — время, когда мы, уральские пацаны, бросали все свои нехитрые дела и рвались на лодках в этот чарующий, сказочный мир воды и солнца. Стаи перелётных птиц в небе, редкие лесистые и степные островки, пока не покрытые водой могучей реки, но уже одетые нежной зеленью тальников, травы и вкусно-кислого щавеля, вырвавшегося из-под земли на солнцепёке.

Три реки словно обнимали город: с Самарской стороны — дремлющий, почти стоячий, поросший камышом и кувшинками Деркул; спокойный, принявший в себя его воды тихий Чаган; со стороны Бухарской — могучий, вобравший в себя их сонную силу, крушащий весной на стрежне высоченные яры и тихо отдыхающий на светло-жёлтых песчаных отмелях в летний межень — Урал. Седой и древний, внушающий благоговейное смирение

не только теперь уже тихим степнякам-кочевникам — калмыкам и казахам, но даже лихим и отважным яйцким казакам, которые вместе с соседями — оренбургскими казаками — были защитниками юго-восточных рубежей России на протяжении веков. Урал — второй после Волги родитель Каспия.

Уральск — казачий, русский, губернский, весёлый, шумный и беспшабашный в дни праздников и гуляний, и тихий, по-азиатски сонный в серые будни, особенно зимой, в лютые морозы со степным пронзительным ветром и свистящей позёмкой. Уральск в летний зной, с ветерком, со скрипящим на зубах «уральским дождичком» — степной пылью. И в тихие дни, когда на солнцепёке просто нечем дышать, а в степи за глоток холодной воды (я уже не говорю о прохладной, сочно-сахарной мякоти степного арбуза, извлечённого из ямы, закрытой камышовым матом, или из-под навеса на бахче) ты готов (прости Господи!) душу отдать.

Вспомнишь тогда и освежающие воды Урала, выходя из которых на горячий степной ветерок и остывая до мурашек на коже, говорят: «Как заново родился!» И хочется опять лечь и зарыться в тёплый, чистый песок реки, согреваясь его теплом и вдыхая до боли знакомый и близкий запах (странно — вроде бы песок не пахнет?) родной земли — как вдыхает запах матери младенец, засыпающий на её груди.

А степная и луговая охота, а рыбалка с кострами, ухой и шуломом под широким степным звёздным небом?

А Михайловский «старый собор» на высоких ярах, словно парящий над Уралом, лесными и луговыми далями за рекой и дальше над всей Бухарской степной стороной на сотни и тысячи километров?

И всё это — уже заграница?!

Как это горько, как болит душа...

КАК ДЕД МИТРИЧ МЕНЯ ПЛАВАТЬ УЧИЛ

Представьте себе такую картину — город Уральск в пятидесятые годы (теперь уже прошлого столетия) в жаркий июньский полдень, через уральный деревянный свайный мост (длина его приблизительно 300–350 метров) идёт ватага ребят от семи до десяти лет. Все в трусах, до черноты загорелые, с выцветшими от яркого солнца волосами на голове. Ноги и руки поцарапаны колочими плетями ежевики, обожжены крапивой, на ступнях, щиколотках и голенях ног почти у всех «цыпки» — вечные спутники лета, когда часто выходишь из воды и кожа, высыхая на ветру, дубеет и лопается (и никакие мамины лечения, смазывание сметаной не помогают — не успевают заживать). Носы у всех облупленные и красные от солнечных ожогов. Ватага доходит до

середины моста — до баржи, которую разводят один раз в сутки для пропуска пароходов и буксиров с баржами, гружёнными лесом, гравием и другими стройматериалами, — и начинает прыгать с перил баржи в воду. А один пацан, обычно лет семи, ещё не умеющий плавать, остаётся на мосту с вещами, отданными ему уплывающими со словами:

— Мотри, не потеряй курево¹ и спички в кармане рубашки!

Оставшийся на мосту с завистью смотрит на уплывающих товарищей и, понурив голову, идёт пешком к месту купания, неся в руках оставленные ими нехитрые пожитки. Долгое время этим пацаном был я. И можно понять, как мне не терпелось научиться плавать и нырять как мои сверстники, уральские казачата. Но все мои попытки научиться этому «искусству» самостоятельно и с помощью моих друзей не приводили к желаемым результатам. Не помогали и уроки моего отца, который хорошо понимал, что жить в трёхстах метрах от берега Урала и не уметь плавать ещё и опасно (каждый год в Урале тонуло много людей). Держаться за короткую доску двумя руками и работать ногами я научился быстро, но едва выпускал доску из рук — сразу шёл ко дну и хлебал уральную водичку и ртом, и носом.

¹ Тогда, в послевоенные годы, мы — пацаны, к сожалению, начинали курить рано.

Всё изменил случай, когда отец в конце мая уехал с театром на гастроли на целый месяц. Однажды я увидел, как перевозчик дед Митрич (полное его имя — Евстафий Дмитриевич, но нам было трудно его выговаривать) выловил и притащил на лодке к берегу очередного утопленника, всплывшего на поверхность реки, при этом строго выговаривая сыну Ивану за то, что он до сих пор не научил плавать своего пятилетнего Пашку. Он грозился это сделать сам и я, набравшись смелости, попросил заодно и меня научить плавать.

— А не боишься? — спросил дед.

— Боюсь, — сознался я.

— Это хорошо, что сознаёшься, это Богом дано людям бояться гнева Господня за непотребные дела людские, а за благие дела учись страх перебарывать в себе, и Бог тебе в этом всегда поможет. А скока же тебе годков-то?

— Семь, — ответил я.

— Давно пора! Вот завтрава к обеду приходи сюды и начнём, благословясь, — сказал дед.

Ночью я спал плохо, всё переживал — не ударить бы лицом в грязь перед дедом и, главное, перед пятилетним его внуком Пашкой. С утра уже был на берегу Урала, где была стоянка перевозчиков-лодочников. Деда Митрича не было видно. К обеду пришли на берег дядя Иван с сыном Пашкой и, поздоровавшись со мной, пояснили, что дед сейчас приплывёт с того берега, куда отвозил женщин доить коров, пасшихся

на Бухарской стороне. Дед пообедает, и начнём учиться плавать.

Через четверть часа появилась его будара, дед Митрич высадил на берег семь женщин с полными молока подойниками, и каждая налила по литру молока деду в ведро — плата за перевоз. Появившаяся на берегу жена Ивана принесла деду обед, а молоко забрала домой. Отобедав, дед пригласил нас сесть в будару. Предварительно поинтересовался — умею ли я смотреть под водой? Я с удивлением спросил:

— А разве можно под водой открывать глаза и смотреть?

— Не токмо можно, но и должно, — сказал Митрич. — А то как ты с закрытыми зенками мырять-то будешь, где дно, а где небо как отличать станешь? Ну да это не бяда, это мы быстро поправим.

Он выгнал нас с Пашкой из будары и тут же, зайдя в воду по пояс, позвал нас к себе, поставил друг против друга и сказал, чтобы мы взялись за руки, потом вздохнули поглубже и, задержав дыхание, присели так, чтобы глаза оказались под водой. По команде деда нужно открыть глаза и посмотреть друг на дружку под водой. Так мы и сделали, труднее всего, оказалось, заставить себя открыть глаза под водой. А потом мы с Пашкой смотрели друг на друга под водой и делали рожи, гримасничали, и так нам это понравилось, что дед еле остановил нас, сказав:

— Ну, хватит шалопутить, поплыли главным делом заниматься — учиться плавать, значит. Отплыли вчетвером — дед, дядя Иван, Пашка и я. Дед сидел за кормовым веслом и направил лодку в залив перед песчаной косой, в этом месте течение было не таким сильным, но глубина была приличной — метра 2-3. Лодка остановилась и медленно дрейфовала по течению. Дед снял штаны и, оставшись в белых кальсонах с завязочками, начал давать последние советы, как надо вести себя, когда окажемся в воде:

— Перво-наперво, перед тем как в воду сигать, наберёте побольше воздуха в грудь и затаите дыхание, а как окажетесь в воде, бейте руками и ногами, чтоб, значит, на воде удержаться, и варку² держите повыше, чтобы мурло³ над водой было, а мы с Иваном вас подстрахуем, ежели топнуть вздумаете».

Я подумал, как же я смогу прыгнуть в воду — ведь я точно знал, что плавать не умею. Но всё оказалось гораздо проще — дед взял меня в охапку и с криком — «вдохни глыбже и не дыши» — бросил меня за борт. Попав в воду и погрузившись с головой, я отчаянно замолотил руками и ногами и вдруг понял, что не тону, а всплываю. И дед Митрич кричит и машет мне руками:

— Плыви ко мне!

И я поплыл и ухватился за руку деда, которую он протянул мне через борт, и только тогда я выдохнул воздух. То же самое, оказывается, дядя Иван проделал с Пашкой. Нам помогли забраться через борт в лодку, мы сидели, смотрели друг на дружку и я видел на Пашкином лице и недавний ужас, и изумление одновременно — ведь мы сами, как ни странно, выплыли и не утонули. Испуг прошёл и я задумался, что же произошло. Дед Митрич подсказал мне:

— Пока ты из себя воздух не выпустишь, ты как, к примеру, говно в проруби — не потонешь.

Мы с Пашкой скривились от такого сравнения и дед поправился:

— Или, вернее, как наплав (поплавок) на удочке — не утонешь, но ты же не сможешь не дышать вечно, так что вы ноне первый урок, как не потонуть на краткое время получили, таперича пойдём учиться дальше.

Пока мы приходили в себя, лодку снесло течением к песчаной косе, и она остановилась, коснувшись дном песчаной отмели. Дед спросил:

— Ну, очухались маненько? Вылазь, пошли далее.

И мы через борт ступили на отмель, глубина была ниже колена, дед зашёл вглубь реки по грудь и сказал:

— А таперича, ходи ко мне и заходи в глыбь — по грудь, значит, развернись мурлом к берегу,

² варка — голова

³ мурло — лицо

делай вздох и, затаив дыхание, плывите к берегу наперегонки.

Мы с Пашкой так и сделали, сначала барахтаясь руками и ногами в воде и поднимая тучу брызг, пока нехватка воздуха не заставила меня остановиться, опустить ноги на дно и только потом выпустить воздух и вздохнуть. Мы самостоятельно «проплыли» порядка пяти метров. Понравилось! И принялись за повторение урока, сопровождаемые одобрительными улыбками деда Митрича и дяди Ивана. Наконец я ухитрился улучшить момент и вздохнуть в паузе между гребками, когда лицо было над поверхностью воды — и скоро уже приноровился работать руками, гребя ими «по-собачьи». Обрадовавшись, я поплыл вдоль берега, где было мелко и можно было встать на дно примерно по грудь. У Пашки силёнок было поменьше, сказывалась разница в возрасте. Дед Митрич, заметив, что Пашка устал, сказал:

— Баста. Залезайте оба в будару, отдохайте, на севодни — всё. Таперича всё зависит от вас самих, скоко будете плавать и силёнок копить. Уральский казак должен плавать не хуже «чехни» (рыба чехонь — **В.А.**), да смотрите, не плавайте поодиночке, держитесь вместе, али в кумпании дружков, которые уже хорошо плавать и мырять могут и подсобят — ежели чего».

Сели в лодку и вернулись к месту стоянки перевозчиков. Тут глубина начиналась сразу от берега, и места, где можно было

продолжать занятия, не было. Поблагодарив деда Митрича за учёбу, я отправился искать своих друзей, которые по времени должны были купаться на песках бывшего Валькова острова вблизи старого Михайловского собора. Там я их и нашёл и сразу продемонстрировал, чему научился у деда Митрича...

В общем, за месяц ежедневных занятий я заметно окреп и уже неплохо плавал и брасом, и на боку, и саженками (только на спине не получалось — в уши попадала вода). Научился и нырять, задерживая дыхание на полминуты и на дальность, и на глубину (надо было достать со дна горсть ила или песка и, вынырнув, показать товарищам), но Урал переплывать я ещё боялся.

Когда через месяц отец вернулся в Уральск с гастролей, меня так и подмывало сказать ему, что я уже научился плавать, но я дождался его предложения пойти купаться. И вот мы с ним идём через вновь наведённый уральный мост на Бухарскую сторону, на пески, отец несёт дощечку, чтобы продолжить моё обучение плаванию. Дойдя до середины моста, входим на разводную баржу, и тут я снимаю майку и прошу его поддержать её. А сам, не говоря ни слова, заскакиваю на перила ограждения баржи и ныряю вниз головой в воду и, задержав дыхание, выныриваю метрах в двадцати ниже по течению. Оглядываюсь и вижу отца, который стоит, вцепившись в перила, и лицо его белее мела.

Я крикнул отцу, что буду ждать его на нашем месте, где мы с ним обычно купались. Вылез на берег, зарылся в горячий песок — жду отца, который идёт ко мне, неся на плече полотенце, в руках у него моя майка и доска для обучения плаванию. Дышит тяжело, лицо покраснелось от быстрой ходьбы, и тут только я подумал о его больном сердце. Стало совестно, что я не предупредил отца о своём умении плавать. Отец посмотрел на мост и, оценив расстояние, которое я проплыл, хмуро сказал:

— Молодец! Меня чуть «контрагий» не хватил, когда ты сиганул с баржи. Предупреждать же надо! — и наконец улыбнулся.

Я понял, что прощён и стал показывать, чему научился за месяц. Отец сидел на песке и блаженно улыбался, потом встал, взял в руку теперь никому не нужную дощечку и, широко размахнувшись, забросил её далеко в воду. Мы дружно захохотали, чем смутили проходившую мимо нас молодую женщину, и она ещё долго шла, оглядываясь на нас. Но мы смотрели с отцом друг на друга и продолжали хохотать, нам было хорошо — мы были счастливы.

ОРУЖИЕ УРАЛЬСКИХ ПАЦАНОВ

Наша ребячья ватага (человек шесть — восемь) в Уральске состояла из детей коренных уральских казаков и детей, приехавших в

Уральск вместе с родителями из разных городов Советского Союза. Основу её составляли казачата. Мне пришлось долго утверждаться в роли полноправного члена ватаги как пришлому. В ней командовали три казачка — Юрка Юдин, Пашка Котов и Сашка Сайгаков, которые были старше меня на два — три года. Это были физически крепкие ребята, и я проигрывал им в силе, но в ловкости и смекалке не уступал. Нашими постоянными играми были футбол, «клёк» (разновидность игры в городки, но с перебежками), в войну и в охотников. И, конечно же, рыбалка — ей отдавалось очень много времени. Время было полуголодное, и рыба, которую мы ловили, шла на скудные столы в семье.

Для игр в войну и в охотников нужно было оружие, начиная с палок — сабель, рогаток, луков и кончая самопалами — «поджигами», заряжаемыми измельчёнными головками спичек.

Делали и самодельные луки из вязовых веток без их ошкуривания, длиной в наш рост. Стрелы делали из сухого ровного стебля рогоза, оснащая их наконечниками из треугольного куска консервной банки, свёрнутого конусом (кульком). Острый конец затачивался напильником до острия иголки, крепился наконечник к стреле с помощью столярного клея. Это было уже серьёзным оружием, стрелявшим на расстояние тридцать — сорок метров и за счёт острого

металлического наконечника, нанесившего серьёзный урон цели, в которую они попадали. Охотничьи трофеями были воробы, вороны и изредка дикие голуби, куропатки и крупные кулики, водившиеся в изобилии по берегам рек и озёр. Воробьёв мы стреляли чаще всего из рогаток, мелкими камешками, собранными на берегу Урала, для насадки на крючки перемётов — на сомовью рыбалку. Их перед насадкой обжаривали на костре и, чего греха таить, часто сами ели их довольно вкусное и нежное мясо. На рыбалку часто выезжали на лодке с ночёвкой — с кострами и ухой из пойманной нами рыбы и запечённой на углях картошкой, а если повезёт — то и голубями, куликами и редко — куропатками. А ведь нам было тогда лет по семь—десять и родители не боялись нас отпускать из дома одних. Как любила говорить моя мама:

— Под стеклянным колпаком из мальчишки не вырастить нормального мужика! Если «царь в голове есть» — ничего страшного не случится, а если нет — никакая опека не поможет!

Осенью через уральный мост на базар тянулись подводы и грузовики, доверху нагруженные арбузами и дынями. Двигались они медленно, и это давало нам возможность воровать содержимое с проезжающих по мосту машин. Да и воровством это не считалось. Ребячьей «доблестью» — да! Телеги мы не трогали, потому что

возница мог достать «грабителя» кнутом. Техника такова — пока один из нас перебегает по мосту перед едущей медленно машиной, заставляя шофёра тормозить и отвлекая его внимание от наблюдения в зеркало заднего вида, другие залезают через задний борт в кузов и, схватив арбуз или дыню, кидают их через перила моста в реку. Потом и сами прыгают в реку с моста за плывущими по течению реки арбузами и дынями. На отмели Валькова острова собираются вместе и принимают за пир. Уральские коренные казаки относились к этому «разбою» терпимо:

— Озорничают пацаны!

Арбузов и дынь везут тысячами и урон от этих набегов небольшой — вместимость ребячьих желудков ограничена, а запасаться впрок или на продажу было не принято по негласному мальчишескому кодексу (считалось — запахло). И казаки только усмехались или хохотали, когда особо ловкий малец исхитряется бросить в реку сразу по два арбуза или дыни и потом ловко прыгает прямо с борта машины через перила моста в реку головой вниз, избегая поимки. Иногда казаки, расщедрившись, даже дают со своей телеги малым ребятам, не участвовавшим в набеге, арбуз или дыню. А на шофёра, открывшего дверцу машины и громко проклинающего похитителей, сыплются издёвки:

— Жмот! Арбуза (дыни) пацанам пожалел? Сквалыга!

ЦЫГАНЕ

Весной после разлива, когда Урал входит в привычные берега и строится новый мост, на Бухарской стороне напротив Уральска появлялись цыгане. Кочевники останавливались там табором со своими кибитками, шатрами и лошадыми до конца лета (в СССР указ об осёдлости цыган вышел только 5 октября 1956 года). Среди них были хорошие кузнецы, и уральские казаки их ценили и охотно несли им на починку старые замки, лемеха и бороны. Заказывали у цыган и подковы для лошадей, кованые топоры, мотыги (тяпки), ломы, пешни, решётки и засовы. Нас, пацанов, так и тянуло к ним на костры и песни, к лошадям, на которых цыгане давали нам покататься. Уральские казаки тоже относились к цыганам терпимо, зная точно, что там, где они живут — не воруют и не хулиганят. А цыганки с детьми пропадали на базаре, где зарабатывали на жизнь гаданием на картах и по линиям на ладони (к староверам они не подходили — зная, что они им не «клиенты» и могут и наказать за навязчивость). Промышляли и продажей сшитых ими же носильных вещей — платьев, платков, изделий из металла и украшений из монет, серебра и золота. Цыгане, в отличие от казахов, рыбу ели, и казаки часто расплачивались за работу кузнецов рыбой и металлоломом.

Однажды утром, когда я рыбачил на Бухарской стороне, ко

мне подошёл маленький цыганёнок и, присев на корточки, долго и с интересом наблюдал за моими действиями. Я угостил его рыбным пирогом, который мне дала мама, провожая на рыбалку. Он попросил меня показать, как правильно привязывать крючок к леске. Я показал ему несколько различных узлов привязки крючка к разным лескам — из «жилки» (прозрачный монофильный⁴ нейлон) и плетёного капронового шнура. Даже дал ему метров пять—десять «жилки» из своих запасов. Он удивился такой щедрости и сказал, что пойдёт и спросит своего отца — можно ли взять такой дорогой, как ему казалось, подарок. Ушёл в табор и вернулся с отцом, который был лучшим кузнецом в таборе — дядей Иваном⁵. Первое, что он спросил — не украл ли его сын леску у меня. Я ответил, что это мой подарок и прибавил ещё и три крючка разного размера, объяснив, на какие крючки, какую рыбу можно ловить и на какую насадку. Вася поблагодарил меня за подарки, а его отец пригласил приходиться к нему в кузницу, чему я был несказанно рад.

⁴ Монофильная леска — это синтетический продукт, изготавливаемый в настоящее время из полимерных материалов, нейлона, полиэтилена и т. д.

⁵ Цыгане дают имена своим детям, характерные народам, среди которых они живут. В Уральске они имели в основном русские имена.

Через два дня я собрался в табор. Друзья перевезли меня через Урал и, спросив, когда я буду возвращаться, уплыли назад, договорившись, что дам знать им (криком или свистом), когда мне нужно будет вернуться домой. Не успел я подойти к табору, как показался мой новый знакомец — цыганёнок Вася и сразу похвастался мне, какую рыбу он сам поймал на новую снасть. Пришли в отдельно стоявшую палатку, где оказалась кузня дяди Ивана — с самодельным горном, сложенным из огнеупорного кирпича с мехами для раздувания угля и деревянными чурбаками, на которых были закреплены большие тиски и наковальня. На красивой кованой подставке висели разного размера щипцы, клещи и ножницы для металла, а рядом на большом столе лежали в рядок большие и малые кузнечные молоты и молотки. Около наковальни стояла большая бочка с водой для охлаждения и большая банка с маслом, для закалки готовых изделий. Было и точило — большого диаметра точильный камень с ручным приводом в виде кривой ручки. Дядя Иван со старшим сыном Сашей в это время ковали малый лемех. Я заворожённо смотрел на раскалённый металл, сыплющий искрами и меняющий форму под ударами молота.

Дядя Иван вообще никогда не пускал посторонних в кузню, но мне сделал исключение и даже давал пояснения к тому, что они делали. От него я узнал, до какого

цвета нужно разогревать тот или другой металл, прежде чем начинать его ковать, технику сварки двух кусков металла ковкой, и даже попробовал поработать малым молотом. Кузнец выковал цветок в виде розы из металла и просил передать моей матери в качестве его подарка. Всё мне в кузне было интересно, и я задавал множество вопросов, на которые кузнец охотно отвечал. Я заметно устал — малый молот был достаточно тяжёл для меня, и кузнец, заметив это, сказал:

— Хватит! А то ты завтра не сможешь рук поднять! Пойдём-ка к лошадям. Ты умеешь сидеть на лошади верхом? — Я ответил, что умею.

— Тогда пойдём, посмотрим, как ты это умеешь! — И мы, помывшись, пошли в загон к лошадям. Вася сразу забрался на вороного коня и поскакал по кругу загона галопом.

— Так сможешь? — спросил дядя Иван. Я замотал головой — Нет! Так — не смогу!

— Тогда начнём с самого начала! — промолвил кузнец и стал показывать, как нужно садиться на лошадь, как нужно держать уздечку и давать «шенкеля» голыми пятками, управляя лошадьёю. В общем, за час занятий я усвоил азы верховой езды, и в конце занятий мы с Васей даже верхом съездили на берег Урала напоить коней и искупать их. День клонился к вечеру, цыгане стали разводить костры и готовить обед, а мы пошли в шатёр

дяди Ивана в виде большой круглой палатки с центральным опорным шестом, где нас встретила его жена, тётя Лала (цветок тюльпана). Мы сели перекусить домашними лепёшками, супом свекольником, тушёным мясом с рисом и чесночным соусом с брынзой, на десерт подали сдобные пирожки с медовой начинкой и крепко заваренный чай, в который нам, детям, тётя Лала налила молока. Шатёр изнутри был обвешен яркими коврами с отгороженной занавеской кроватью для хозяина и хозяйки, там же висела ковкая люлька с младенцем и иконостас с иконами и лампадой. По краю шатра на возвышении располагалась широкая постель, видимо, для остальных детей, покрытая стёгаными яркими одеялами. Посередине шатра стоял круглый низенький стол, у входа печь «буржуйка», на которой стоял большой самовар. На полу ковёр из кошмы. Дополнял обстановку большой деревянный сундук, окованный металлом. Семья у дяди Ивана большая — восемь детей, из которых двое старших сыновей жили уже отдельно со своими семьями.

После обеда в таборе начались приготовления к празднику — дню рождения старейшины рода — дедушки Якова — ему сегодня исполнилось 80 лет. По этому случаю у большого костра расстелили брезент, на который постелили яркие ковры. Каждая семья несла свои закуски, приготовленные для этого праздника.

Появилось и красное вино в глиняных кувшинах.

К вечеру цыгане пришли к костру и столу в праздничной одежде. Женщины-цыганки и девчонки были одеты в яркие платья, на шее монисты из серебряных и золотых монет, пальцы и кисти рук украшали золотые и серебряные кольца и браслеты из золота и серебра, на плечах — яркие платки и шали. Мужчины и мальчишки в красных, синих, зелёных рубашках, подпоясанные ремнями с отделанными серебром шёлковыми витыми шнурами. На ногах хромовые сапоги, в которые заправлены шаровары чёрного, синего или иного цвета, у некоторых мужчин на поясах ножи в ножнах, тоже украшенные серебром. Волосы у большинства цыган чёрные и кудрявые, но были и светлые, и рыжие, у взрослых мужчин — бороды и усы, у молодых только усы. В ушах — серебряные или золотые серьги, на руках такие же перстни. Появились и гитары, украшенные яркими лентами. Все уселись на ковры вокруг импровизированного «стола», освещённого светом костра. Произнося первый тост за новорождённого, все встали. Говорили цыгане на своём немного горганном языке, а мне переводил на русский Вася. Виновник торжества — дедушка Яков поблагодарил собравшихся за тёплые поздравления и предложил выпить за здоровье хозяев здешних мест — уральских казаков, которые позволяют им — цыганам

— поставить табор на берегу Урала и жить здесь всё лето. Потом начались песни. Меня поразило то, что все песни были грустные. И только когда начались весёлые пляски, я услышал и привычную цыганочку, и заздравную песню в честь приплывшего из Уральска на праздник старейшины здешних мест — деда Петра, коренного уральского казака, полного георгиевского кавалера. Они с Яковом знали друг друга ещё по Великой Отечественной войне, когда сражались вместе в коннице Доватора — в разведке. Он привёз подарок от уральских казаков — большой кинжал в красивых ножнах, и дедушка Яков полуобнажив его, поцеловал лезвие кинжала, обнял и расцеловал троекратно деда Петра.

Привёз он и неприятное известие о том, что готовится указ об осёдлости цыган, обязывающий прекратить их кочевую жизнь, но дедушка Яков просил Петра не говорить пока об этом всем, чтобы не портить сегодняшний праздник. Они долго ещё шептались, обсуждая эту новость, но настроение дедов было испорчено и они вскоре удалились в шатёр Якова. Песни и пляски продолжались, и цыганёнок Вася под гитарную музыку выдавал чечётку вместе с цыганками, которые в такт музыки трясли плечами, заставляя монисты на груди звенеть. Я вернулся домой вместе с дедушкой Петром на пришедшей за ним лодке, переполненной впечатлениями от времени,

проведённого в цыганском таборе. Дед Пётр всю обратную дорогу сокрушался и жалел цыган, привыкших веками к кочевой жизни, и приговаривал:

— Вот и до цыган добрались, и им, как и уральским казакам в своё время, жисть через колено ломают!

Мне тогда этого было не понять, но и я загрустил, понимая, что уже скоро таборы перестанут приезжать к нам на лето. Сам продолжал часто бывать в таборе и очень подружился с семьёй дяди Ивана. Через месяц кузнец выковал лёгкий лук из рессорной стали и подарил мне на день рождения, он отлично стрелял на расстояние до семидесяти метров, и я этим луком долго пользовался и очень им гордился.

НА КУШУМСКИХ РАЗЛИВАХ

Открытие осенней охоты на водоплавающую дичь в Уральске в пятидесятые годы (теперь уже прошлого века) происходило в первое воскресенье августа, и все охотники ждали этого дня с нетерпением. Чаще всего в этот день отец и его друг Николай Чесноков выезжали на Кушумские разливы, благословенные места, где в камышах гнездится огромное число уток самых разных пород от чирков трескунков до огаря — красной утки (атайка — как зовут его уральские казаки) и кряквы.

Гнездились там и гуси-гуменники, и лебеди-кликуны.

Кушумские разливы находятся примерно в 60-70 километрах от Уральска. Проехав Скворкино, нужно было свернуть с дороги Уральск — Гурьев направо, в низину степной речки Кушум⁶, правого рукава Урала, который разливается весной после таяния снегов и на больших площадях заполняет низменные места, заросшие камышом и рогозом, образуя бесчисленные мелководные протоки и плёсы, где и гнездились водоплавающая дичь.

Меня, девятилетнего пацана, отец постоянно брал с собой на охоту, но своего ружья у меня ещё не было, и я охотился с его малокалиберной винтовкой ТОЗ-8. С таким длинным и тяжёлым стволом, что нормально стрелять я не мог — ствол перевешивал и не хотел принимать горизонтального положения. Но я кое-как приспособился, засовывая приклад винтовки глубоко

подмышку и выгибая спину, даже научился попадать в цель, да ещё как — за двадцать пять шагов — в спичечный коробок.

После первого выстрела отец сказал:

— Ну — повезло! — а после третьего попадания похвалил. — Хорошо, молодец!

И тогда Чесноков, наблюдавший со стороны за этим «действом», сказал отцу словами матери из старого еврейского анекдота:

— Ляжь — не мучь ребёнка! — и добавил: — Я тебе давно говорю, Николай, пора ему покупать ружьё!

Отец возразил: «Мал ещё. Ключицу ему сломает отдачей».

— А ты не покупай ему ружьё 12-го калибра, — возразил Чесноков, — а купи «двадцатку» или шестнадцатого. Да давай, сейчас и попробуем из моего!

Сказано — сделано, и вот я стою и сжимаю в руках настоящую двуствольную «тулку» шестнадцатого калибра, и Николай объясняет мне, как правильно «вкладываться», то есть, как правильно приклад прижимать к плечу, чтобы противостоять отдаче ружья при выстреле. Потом он отвернулся и зарядил (якобы) ружьё двумя патронами. Поставили на то же расстояние (25 шагов) пустую консервную банку в качестве мишени, я встал и, прижав плотно приклад ружья к плечу, прицелился в банку, плавно, как мне казалось, нажал на передний спусковой крючок и —

⁶ Кушум — степная речка, рукав р. Урала, отделяющийся от него близ кушумского пос. Скворкинской ст. Уральского у. Уральской обл. и текущий с С на Ю по направлению к р. Бол. Узени и Камыш-Самарским озёрам на протяжении более 300 в. Течение бывает лишь весной, когда и вода в нём пресная, летом он во многих местах пересыхает, и вода делается горько-солёной. В нижней своей части он образует широкие озёра, а затем теряется в разливах. В большие воды вода из Урала по соединительной системе озёр доходит через К. до Бол. Узеня, а вместе с водой и рыба (Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. — С.-Пб.: Брокгауз-Ефрон 1890—1907).

выстрела не последовало, ружьё «клянуло» (рывок за спуск), а я непроизвольно сделал два шага вперёд. Дядя Коля рассмеялся и объяснил, в чём была моя ошибка. Я при нажатии на спуск непроизвольно подался вперёд, ожидая отдачи. Теперь я и сам понял свою ошибку и когда ружьё в самом деле было заряжено, я равномерно распределил свой вес на обе ноги. Грянул выстрел, и консервная банка была сметена попавшей в неё дробью, а отдача была не такой уж сильной, так как я правильно «вложился».

А вскоре отец купил и подарил мне на день рождения (10 лет) настоящее ружьё — курковую одностволку ИЖ-ЗК шестнадцатого калибра со всеми принадлежностями для чистки ружья, заряжания патронов и заодно патронташ с четырьмя удавками. Когда его спрашивали, почему он купил одноствольное ружьё, а не двустволку, он отвечал:

— Пусть сын узнает цену одного выстрела! Научится хорошо стрелять влёт — сам купит себе двустволку.

И он был абсолютно прав, правда, понял я это, только когда получил первый разряд по стендовой стрельбе и на зверовой охоте, где от одного выстрела зависела жизнь моя или моего товарища. Ловлю себя на мысли — как часто я в своей уже долгой жизни благодарю отца за мудрые уроки, данные им мне в детстве...

Но вернёмся на Кушумские разливы. Приехали мы на «козлике», так ласково называли тогда автомобиль повышенной проходимости — ГАЗ 69. Дороги к месту охоты (если это можно назвать дорогами) проходили по солончаковой степи и при дожде превращались в труднопроходимое месиво. Нас было пятеро охотников и один рыбак, который устроился возле глубокого омута на основном русле Кушума, поставил несколько донок. А мы, охотники, ещё затемно разбрелись по мелководью и, сделав себе в камышах скрадки, стали дожидаться утрянки.

Странно, но небо в степи, с восточной стороны, перед утренней зарёй сначала темнеет, а только потом начинает розоветь и разливать во все стороны свой румянец света, тесня темноту ночи. А вскоре появляется из-за горизонта и красновато-алый диск солнца.

Предрассветная тишина прерывается тихим покрякиванием уток, далёким погогатыванием гусей, собирающихся покинуть ночные кормовые мелководные плёса. Кряканье становится всё громче и чаще, и вот уже в предрассветной мгле низко над камышами появляются первые стаи уток и гусей, едва видимых на фоне разгорающейся зари. И горе всем, сидящим в скрадках и ожидающим, когда рассветёт, если у кого-то не выдержат нервы и первый выстрел раздастся ещё в темноте. Утки разом взлетят и

другим охотникам только и останется, что слушать шум крыльев улетающих стай у себя над головой. Всё — утрянка испорчена. Особенно обидно, если это происходит при открытии охоты, когда местной утки — тьма, а результат оставляет желать лучшего. Именно потому отец всегда говорил мне:

— Сын, на утрянке не торопись делать первый выстрел, дождись, пока не увидишь мушку на твоём вскинута для выстрела ружье, и вообще запомни на всю жизнь: не торопись, не уверен — не стреляй! Тогда и перед товарищами по охоте краснеть не придётся.

Но сегодня ни у кого нервы не сдали, и первый выстрел прозвучал, когда уже достаточно развднелось. И сразу по всей округе загремели другие выстрелы, и одиночные, и дуплеты, а из низко летящих стай стали вываливаться битые утки. Они заматались над камышами и снова попадали под выстрелы охотников. В птичьем мире начался переполох, стаи распадались и ни о каком организованном, стайном отлёте речи уже не шло. Везде, куда ни кинешь взгляд, — над камышом беспорядочно металась разбитые стаи и одиночные утки. Вот когда начинается «охотничья горячка» — чем выше температура, тем полезней для здоровья. За те недолгие минуты, пока длилось это светопреставление (другого слова не могу подобрать), я взмок, потерял шапку и вообще

чувство реальности. Да что взять с десятилетнего пацана, впервые попавшего в охотничий рай со своим ружьём. Опомнился только тогда, когда кончились патроны — все двенадцать (именно столько латунных гильз подарил мне отец).

Охота закончилась. Я успокоился и огляделся: на мелководном плёсе передо мной лежали два чирка и один крякковый селезень. Но в процессе лихорадочной и сумбурной стрельбы я запомнил, что после очередного моего выстрела ещё одна утка-подранок упала в камыш шагах в пятидесяти от моего скрадка. И я уже было пошёл её искать, но тут налетели две стайки чирков и я выбил ещё одного из них. Собрал битых уток и пошёл искать подранка. Мне повезло, в камышах я обнаружил — уже «дошедшего» крепыша гоголя. Четыре утки были добыты двенадцатью выстрелами, по три выстрела на утку — не плохо для начинающего учиться стрельбе влёт малолетнего охотника.

Возвращаюсь на стан, повесив на все четыре удавки (тонкие ремешки с металлическими колечками на конце и закреплённые на пояском ремне) добытых уток. Идти было неудобно, большие утки (крякаш и гоголь) свисают ниже колен и путаются в ногах. Но всё во мне поёт от невиданной удачи! На стане — никого, все охотники ещё сидят в своих скрадках, а из камышей доносятся редкие одиночные выстрелы.

А жаль, хотел похвастаться перед взрослыми охотниками своей удачей. Спрятал под машину, до поры, свою добычу. Развёл, погасший с ночи костерок, подвесил над огнём котелок со свежей водой для чая и принялся чистить своё уже не нужное на этой охоте (патроны-то кончились), но ставшее таким родным, ружьё.

За этим занятием меня и застаёт вернувшийся отец:

— Ну, вот и молодец — без дела не сидишь и за ружьём уход нужен сразу после охоты. Тогда и ружьё ответит тебе безотказной долголетней работой.

Он снял с плеча рюкзак и выложил из него на землю свою добычу — семь крупных уток (крякашей, шилохвостей, пеганку, серуху и атайку). Вернулись с охоты и остальные охотники с хорошей добычей: самая большая — 12 уток⁷ и один гусь-гуменник — добыта была Валентином Акимовым, офицером, мастером спорта по стендовой стрельбе, и самая маленькая — (три утки) шофёра Саши, у него после первых выстрелов отказало редкое по тому времени ружьё (полуавтомат «браунинг», имеющий магазин на четыре патрона, пятый патрон в стволе). После осмотра добытых уток дядя Коля обратился ко мне:

— Ну, а как дела у самого молодого охотника? Пропуделял, небось!

И тут я достал своих четырёх уток из-под машины и с торжеством положил их в общую, выложенную в рядок добычу.

— Вы посмотрите-ка на него — да он меня обстрелял! — воскликнул Саша, улыбаясь.

И все охотники, с нарочитой серьёзностью поздравили меня: с полем! и каждый из них пожал мне руку, а отец обнял меня и добавил:

— Теперь ты настоящий охотник.

Потом спросил, сколько патронов я израсходовал на четыре утки. Я тихо ответил:

— Все... — и добавил: — Все двенадцать, — и покраснел.

— Многовато! — промолвил отец и продолжил:

— Ну да ты очень не переживай: лиха беда — начало! А по «швыркам» у тебя получалось лучше.

— Так то — «швырки», а здесь — живые утки, — возражал я с возмущением.

Тут нужно пояснение: после покупки ружья отец занялся моим обучением стрельбе влёт. Для этих занятий он выточил из берёзовых поленьев пяток примитивных мишеней — «швырков», отдалённо напоминающих силуэты уток, без крыльев конечно, и бросал их в разных направлениях, под разными углами и на различную высоту, а я стрелял по этим «швыркам», стараясь взять

⁷ Тогда, в пятидесятых годах, не было суточных норм отстрела уток, и каждый охотник сам решал, сколько ему добывать уток, но и жадность не поощрялась — стыдно.

правильное упреждение перед каждым выстрелом. Потом отец со мной занимался «разбором полётов», анализируя каждую мою ошибку. И так в течение двух недель я учился стрельбе влёт, пока не достиг результата, в худшем случае — два патрона на одно попадание. И тут неожиданно за меня вступился наш лучший стрелок Валентин Акимов:

— Молодец, Вадюша, я начинал гораздо хуже, тебе всего-то раза в два нужно улучшить стрельбу. А как будет уходить по полтора патрона на птицу, добытую влёт, считай себя настоящим охотником.

Сели пить свежесваренный чай, делясь впечатлениями. Валентин рассказал, как промазал первым выстрелом по внезапно налетевшему на выстрел одиночке-гусю и как волновался, делая второй, на этот раз, точный выстрел. Когда меня попросили рассказать, что я чувствовал, когда убил первую утку, я сознался, что забыл — вся утрянка для меня была единым и неповторимым мигом, и опомнился я, когда кончились патроны. Я ждал после своих слов дружного (хотя и доброжелательного) смеха, но взрослые охотники вдруг примолкли. Видимо, каждый из них в эту минуту вспоминал свою первую добытую на охоте утку...

Пришёл на стан и наш рыбак с очень приличным уловом: пять щук, два жереха и десятка полтора окуней, пойманных на спиннинг, а ещё он поймал на донки

двух сазанов и пяток карасей. В общем, рыбный обед («двойная» уха и хорошая жарёха на второе) был нашей компании обеспечен. А ещё наш рыболов попросил привезти на машине с места ловли надувную лодку, по тем временам это была штука довольно редкая и дорогая. Он купил её по случаю у приезжавшего в прошлом году из Ленинграда на охоту лётчика-генерала. Лодка была американская, военная, сделанная из прорезиненной двухслойной ткани и достаточно тяжёлая — 25—30 килограммов. Шофёр Саша, который при наших поездках на охоту учил меня водить машину, уговорил отца доверить мне самостоятельно съездить с дядей Акимом, рыбаком и потомственным уральским казаком, за лодкой:

— Всего километра полтора отсюда — Вадим справится. Гарантию даю! — Отец нехотя согласился. Все принялись за чистку и потрошение рыбы на уху и жарёху, а мы с Акимом стали собираться в поездку. И тут заметили верхового, показавшегося из-за камышей.

— Братан приехал, — молвил дядя Аким.

Вершник приближался, уже можно было разглядеть на гордо вскинутой голове лихо заломленную казацкую форменную фуражку с малиновым околышем, да и сидел он в седле молодцевато, как и подобает казаку, привыкшему к конному строю с малых лет. Он был среднего роста

сухой и жилистый, с загорелым обветренным лицом и чёрной бородой, с усами, подёрнутыми сединой. Сразу бросалось в глаза сходство с дядей Акимом, несмотря на то, что последний был по-городскому чисто выбрит. За плечом у всадника висела старая «берданка», на поясном ремне большой кинжал в ножнах, украшенных серебром с красивой насечкой. У ног карего жеребца крутилась невзрачная собачонка из породы «надворных советников», с вывалившимся из пасти языком (видимо, набегалась за хозяином на коне). Она насторожённо обнюхала незнакомых ей людей, легла в сторонке и начала выгрызать застрявшие в шерсти лап колючки. Прибывший пружинисто соскочил с коня и обнял брата, троекратно расцеловал его, сказав недовольно:

— Опять со скоблёным рылом приехал?

И наконец, обратив свой взор на нас, представился:

— Корней Платоныч — старшой брат Акима Платоныча.

После чего поздоровался со всеми за руку, даже со мной, и каждому говорил:

— Рады знакомству!

На предложение отобедать с нами ухой и жареной рыбой сказал, что недосуг, его будут ждать через четыре часа в Янайкино покупатели коровы. А нас вместе с братом пригласил на обратном пути заехать к нему домой, где

он и угостит нас обедом. Аким спросил расстроено:

— И что же, и чарку за встречу не выпьем?

— Ну, это времени долго не займёт. Почему бы и не выпить за встречу и за знакомство, — ответил брат.

Дядя Аким, повеселев, бросился готовить закуску. Расстелили на траве брезент и стали из рюкзаков доставать кто колбасу, кто сало, а дядя Коля Чесноков выставил на брезент и банку с малосольными огурчиками, приготовленными его женой Идой Алексеевной — большой мастерицей всяких солений. Корней Платонович тоже достал из перемётных сумок, висевших у седла, узелок с едой — в нём оказался домашней выпечки ароматный хлеб и большой кусок брынзы, тоже домашнего приготовления. Появилась на импровизированном столе и бутылка «белоголовой». Все сели вокруг брезента на постеленные на траву фуфайки-стёганки. Выпили (кроме меня, конечно) за знакомство, потом за встречу братьев. И тут Корней Платонович увидел Сашин «автомат» — пятизарядку браунинга.

— А ты знаешь, братан, ведь я стрелял из такого ружья, — сказал он Акиму.

— Где же ты это сподобился, братка? Ты ведь не расстаёшься со своей «бабушкой» — берданкой, — изумился Аким.

— Ты мою кормилицу не обижай! А сподобился я стрелять

из ружья самого Михайло Ляксандрыча Шолохова, — ответил Корней.

И поведал нам старый казак строго по секрету, как государственную тайну, что Шолохов в районе Чапаева (бывшая станция Лбищенская) на Бухарской стороне строит дом с усадьбой, чтобы большие начальники работе, значит, не мешали. А сюда, на Кушумские разливы, он приезжал охотиться осенью на перелётных гусей. И было у него такое же ружьё, а Корнея, как сторожила, знатока этих мест и охотника, местное районное начальство попросило его сопровождать и охоту устроить по «первому разряду» почётному гостю. Мы засыпали казака вопросами, что да как? Корней отвечал сухо и неохотно:

— Росточком не велик, до добычи не жаден, а стрелок отменный — таких поискать. Как писатель, судить не могу — не читал. А вот, што он из коренных донцов (донских казаков) — сумлеваюсь я. Уж больно много пьёт и матерно ругается, опять же табашник заядлый, мы, уральские казаки, старой веры держимся и этого — не желам! Стрелок и я не плохой — в воробья влёт попадаю из моей берданы, вот он, когда мы с ним одни в старой скирде сидели и попросил показать, как я умею по гусям стрелять, я ему из своей старухи одного гусака и завалил. А он мне и гутарит, мол, кабы у тебя не

идностволка была, а пятизарядка, как у меня, сколько гусей из стаи выбьешь? Я ему — так нету у меня пятизарядки, не знаю. Он тогда даёт мне свою — такую, как эта (Сашина), и гутарит — стреляй по стае, здесь пять патронов. Ну, выбрал я стайку из десятка голов и давай её поливать свинцом до пяти раз и выбил трёх. А он перезарядил и из очередной стаи, раз за разом четырёх гусей выбил, а пятый патрон осечку дал. Ништо не могу сказать — стрелок от Бога! А какой он казак — ня знай, ня знай...

Больше он нам ничего не сказал и мы, чтобы сменить тему, спросили у него, зачем он взял с собой собаку. Корней удивился нашему вопросу и ответил так:

— Так это у меня вторая кормилица на охоте апосля берданы. Вы вот скоко пороху сожгли и дроби, и пистонов потратили, а я сёдни ни разу не стрелял, а привезу домой пятнадцать уток и двух гусей — две полные перемётные сумы. И всё это принесла мне Найда из камышей. Народ пошёл ныне ленивый — подранков наделают, а искать по камышам — лень. А мы с Найдой — тут как тут. Мы сегодня километра три-четыре по берегу разливов сделали и пятнадцать уток и двух гусей-подранков нашли уже после того, как охотнички-лентяи ушли после утряни водку пьянствовать. И нам хорошо, и порядок навели — убил живую тварь Божию, так

с пользой употреби ея. А вы — зачем собачка?

Я спросил, зачем ему кинжал на утиной охоте? Он пояснил:

— Так тут не только утки водятся, вот нонче диких свиней развелось с избытком и сайга на водопой захаживает из степу, а где свиньи, да ещё и сайга — там и «серый супостат» (волк) тут как тут — как же тут без ножа?

На мою просьбу показать, как кинжал вынимается из ножен, спокойно, но твёрдо сказал:

— Сынок, запомни, кинжал — не игрушка, оружие — значит, и обнажать его можно, токмо тогда, когда кровь пущать надо, а за просто так обнажать клинок ни один настоящий казак не будет — баловство это.

Корней взглянул на солнце и заторопился с отъездом, взяв с нас слово, что мы завтра на обратном пути заедем к нему в гости в Янайкино. С тем и попрощались.

Мы с дядей Акимом собрались ехать за лодкой, остальные занялись приготовлением обеда. Я получил ключи и напутствие от дяди Саши:

— Ну, счастливой дороги! Смотри — не гони, поезжай аккуратно!

Тронулись и только тогда я заметил, что не обулся и еду босиком, но возвращаться было нельзя — дороги не будет. А ехать, босиком нажимая на тугие педали нашего «козлика» было, прямо скажем, не комфортно.

— Ну да ладно, тут близко — подумал я.

До места доехали быстро — без приключений. Я посмотрел на счётчик пройденного пути — два километра. Лодку дядя Аким, от греха подальше, спрятал в камышах, где мы её и нашли. Она была вся вымазана грязью от резиновых сапог. Дядя Аким недовольно буркнул:

— Эх, варка дырявая, запомнил лодку помыть и перевернуть вверх дном, она бы уже на ветерке и провяла — скока времени зазря потерял.

Но делать нечего, принялись мыть лодку, потом отнесли её на бугор — на ветерок сушиться, дядя Аким начал мне показывать и рассказывать, где и как он ловил рыбу. Потом достал из машины с треть мешка загодя распаренной пшеницы, высыпал её в мелкую сетку, положил туда половинку кирпича (вместо груза). Привязал к сетке тонкую бечёвку и закинул далеко — под редкую колку рогоза на глубокое место, а другой конец бечёвки привязал за пучок камыша на берегу.

— Привада, завтрава поутру приду сюда сазанов ловить. За ночь их сплывётся — тьма, на бесплатное угощение, на дармовщину, значит, — пояснил он мне.

За делами время летело быстро, прошло уже не меньше полтора часов, когда мы, спустив воздух из просохшей лодки, свернули её и, погрузив в машину, отправились в обратный

путь. Степная дорога то спускалась в ложбинки, то поднималась на бугры, и мне всё время приходилось работать тугими педалями, а босыми ногами делать это было больно и неудобно. Но вот, въехав на очередной бугор, мы увидели наш стан. Обед был, видимо, готов, так как за растеленным брезентом собрались четверо наших товарищей, уже севших обедать.

— Ах, они, такие-сякие, не дождавшись главного рыбака, мою рыбку начали есть! — воскликнул, шутя, дядя Аким.

— А давайте мы их пуганём! — предложил я и нажал на педаль газа, представляя, как удивятся моей лихости сидящие за трапезой, когда я со всего хода резко остановлю машину у самого брезента. И всё бы обошлось, если бы не мои босые ноги. Когда я захотел резко «ударить по тормозам», моя нога соскользнула с педали тормоза и со всего маха опустилась на педаль газа. Машина взревела, ведь сцепление было выжато, и под рёв мотора и нечленораздельные вопли четверых мужиков как ветром сдуло с брезента (так стая воробьёв с шумом и чириканьем, враз разлетается в разные стороны от бросившейся в середину кучи кошки). Отец мой далеко не воробей — чуть не центнер будет, а туда же, так и отлетел в сторону от брезента метра на два-три, с солёным огурцом, торчащим изо рта, которым не успел закусить выпитую чарку.

В общем, машина остановилась точно на центре «стола», к счастью, никого не задев. Даже уха в котле, закрытом крышкой, осталась целой под передним буфером машины и сковорода с жареной рыбой не пострадала, и даже початая бутылка с водкой была не задета.

Дядя Аким долго сидел и молчал. Лицо его было белым.

— Ну, ежели ты хотел их «пугануть», то это у тебя, по-моему, получилось лихо. Но я-то тут при чём? — сказал он грустно и вышел из машины.

Я остался сидеть в машине, вцепившись в руль. Лицо моё было пунцовым и горело от стыда. Я видел, что, поднявшись с земли, отец погрозил кулаком Саше и, передразнивая его, спросил:

— Справится! Гарантию даю! Где твоя гарантия? А вот тут — на столе стоит.

Но когда Саша сказал, что сейчас пойдёт и отгонит машину, неожиданно бросил ему:

— Нет уж! Кто её на стол поставил, тот пусть и убирает её со стола.

Саша подошёл к машине, открыл левую дверь и, увидев кровь на моей босой ноге, всё понял. И, принеся мои ботинки, сказал:

— Обуйся и аккуратно сдай машину с брезента назад.

Я по своему следу задним ходом съехал с брезента и, остановив машину метрах в пяти, выключил зажигание. Увидел, как

Саша подошёл к взрослым, снова окружившим брезент, и начал рассказывать им что-то, показывая рукой на меня.

Дядя Коля встал и пошёл было ко мне, но его остановил отец, и он снова сел в кружок, а одно место — моё — оставалось свободным. Я тогда понял, как я подвёл отца и Сашу, и горько заплакал, уткнувшись головой в баранку машины.

АРТЕЛЬ УРАЛЬНЫХ ПЕРЕВОЗЧИКОВ⁸

*Все икру Урала знают
И уральских осетров,
Только знают очень мало
Про уральских казаков.*

Из песни Уральского казачьего войска.

Уральный мост (деревянный, на сваях) каждый год ставился заново — весной его сносило ледоходом. Урал в пятидесятые годы разливался в районе города на семь километров. Ближайшие стационарные автомобильные мосты через него были на расстоянии 350 и 500 километров отсюда. Возникла

острая необходимость налаживания переправ для людей и грузов, пока Урал не войдёт в свои привычные берега и не построят очередной деревянный мост. А до того времени проблему решали перевозчики, стихийно объединявшиеся в артели. В Уральске в районе пристани работали тогда уральские казаки, имевшие довольно большие лодки (будары⁹), вмещавшие до десятка пассажиров. Некоторые из них имели по две лодки, они обслуживались либо сыновьями, либо сдавались в аренду казакам, не имеющим лодок (но ответственность перед пассажирами нес хозяин лодки). Были ли эти артели официально оформлены, я не знаю. Цена перевоза с одного берега на другой (когда река уже входила в привычные берега) человека без груза была или рубль, или три, точно не помню. А когда Урал в половодье разливался на семь километров, цена была договорная и могла достигать до двадцати пяти рублей и больше. В эту артель принимались далеко не все желающие, а только коренные уральские казаки (настоящие Горынычи) — рыбаки и охотники, знавшие Урал с детских лет, накопившие большой

⁸ Группа лодочников (обычно на постоянной основе), которые занимались переправой людей и грузов с одного берега Урала на другой в период весенних месяцев от окончания ледохода до наведения нового моста.

⁹ Казачья будара в старое время выдалбливалась из тополя, вербы или осокаря. В настоящее время бударой называется обыкновенная лодка-плоскодонка.

опыт плавания по реке в любое время и в любую погоду, имевшие свои будары и жившие недалеко от пристани. Таких было человек пять-семь пожилых, но ещё физически крепких казаков, занимавшихся перевозками много лет и пользующихся непрерываемым авторитетом в речных делах. Они и решали все важные в этом деле вопросы: приём новых членов в артель, распределение обязанностей внутри артели (ремонт и оборудование лодок, порядок и очерёдность работы, дежурство ночью), они же следили за тем, чтобы перевозом за деньги не занимались посторонние лодочники — с этим у них было строго. Это был уже знакомый читателям дед Митрич (Евстафий Дмитриевич), дядя Егор, всегда хмурый жилистый казак, ходивший на костылях (потерял на войне ногу), и дядя Ваня Бегунок. В отличие от двух первых он был малого роста, весёлый, никогда не унывающий, быстрый в движениях, вечно торопящийся куда-то, за что и получил прозвище, по фамилии его никто не называл — Бегунок, да и всё. Вокруг них всегда собирались люди, нуждающиеся в совете или в конкретной помощи.

Вообще, на берегу Урала, у пристани, особенно в весеннее тёплое время, всегда былолюдно и мы, пацаны, жившие неподалёку, всё свободное время проводили на берегу — «Айда на Урал!» или «Айда на Чаган!»

часто звучало при сборе наших детских ватаг. Вскоре у нас в семье появилась лодка (подарок отцу на юбилей от работников Чапаевского затона). Новая, лёгкая на ходу и довольно вместительная (на 5-6 мест) плоскодонка, выкрашенная масляной краской в голубой цвет. С собственным именем «Чайка», красиво нарисованным на бортах красной краской. Восторгу моему и моих друзей не было предела. И жизнь моя ещё крепче стала привязана к Уралу. А что ещё нужно для счастья 11-летнему уральскому пацану? После того, как дед Митрич научил меня, как правильно с ней обращаться (грести вперёд и назад, маневрировать и т. д.), — она была передана отцом в моё полное распоряжение. У нашей ватаги появилась возможность неслыханно расширить географию наших вылазок на природу. Особенно это проявлялось весной, в половодье, когда Урал заливал лесную полосу и луговую пойму на Бухарской стороне. Мы плавали в этот мир воды, солнца и редких островов на рыбалку и охоту, с ночёвками и кострами, с печёной на углях картошкой, ухой и шулюмом под звёздным степным небом. Какими же мы были тогда счастливыми!

Мне нравилось учиться всему новому, я всегда внимательно слушал своих пожилых наставников, охотно выполнял их

маленькие просьбы (например, — сбежать в магазин) и вскоре стал своим человеком на стоянке уральных перевозчиков. И даже удостоился разрешения запереть свою лодку за их петлю стального троса, в руку толщиной, забетонированного на кромке берега, где они запирали на ночь свои будары, чего другим лодочникам не позволялось делать. Нужно сказать, что общение с этими прошедшими «огонь, воду и медные трубы» коренными уральскими казаками меня обогатило знаниями, многие из которых мне пригодились бы и сейчас в мои семьдесят три года. А так как они были староверами и жили по совести и Божьим заповедям, плохому я у них научиться просто не мог.

К деду Митричу иногда приходил его старый друг Пётр, лет под восемьдесят, но ещё крепкий казак метра два ростом и богатырского телосложения. Крупная голова покрыта белыми как снег волосами, того же цвета окладистая борода и усы, в мочке одного уха «серебряна сяръга». Помню, пришёл он на берег на Пасху при полном параде: на голове форменная казачья фуражка с малиновым околышем, гимнастёрка навыпуск, синие шаровары, обут в хромые сапоги с голенищами «бутылкой». Дополняли этот наряд большой кинжал в ножнах, отделанных червлёным серебром, а на груди полный бант

Георгиевских крестов¹⁰ и боевые ордена и медали (свои «Георгии» он получил на Первой мировой войне, а советские ордена и медали в Великую Отечественную — воевал в разведке конницы Доватора). Похристосовался с дедом Митричем и другими пожилыми казаками.

Принесли на берег большой казан и полтуши барана, развели костёр и тут же на берегу стали готовить бесбармак¹¹. Командовал «парадом» дед Митрич, а в «кухонных мужиках» у него были казаки помоложе. Пока готовили бесбармак, кто-то из молодых прикатил пустую, сбитую из досок, метра полтора-два в диаметре, катушку из-под кабеля. Получился импровизированный круглый стол с дыркой по центру. И начали выкладывать на стол принесённые вскладчину закуски — квашеную капусту, солёные огурцы и помидоры, сало, домашнего приготовления колбасу, брынзу, жареную и вяленую рыбу. А дедушка Пётр достал из своего вещмешка копчёный

¹⁰ Полный бант Георгиевских крестов — награждённый четырьмя Георгиевскими крестами всех степеней.

¹¹ БЕСБАРМАК, бижбармак, бишмармак, -кь, ед., тюрк., буквально «пять пальцев», — национальное казахское кушанье из варёного мяса с репчатым луком и варёными же лепёшками, распространённое и среди уральских казаков. Название происходит от того, что едят это кушанье пятью пальцами.

балык из красной рыбы и литровую банку чёрной зернистой икры. А ещё у всех были варёные вкрутую, крашенные во все цвета радуги куриные яйца, куличи и домашней выпечки «аржаной» чёрный и «пеклеванный»¹² (ржаной — чёрный и белый) душистый хлеб, не обошлось и без картошки, которую запекали в углях костра. Прихромал и дядя Егор, надевший в честь праздника на свою культю новый деревянный протез. Его сопровождала жена Нюра, выложившая на стол ещё горячие лепёшки и миску с каймаком. Поздравила с праздником:

— Христос воскресе, казаки! — и, дождавшись ответа всех: «Воистину воскресе!», достала из кармана фартука бутылку «белоголовой» со словами:

— Гуляйте, казачки-горынычи! Сёдни не грех — праздник великий.

Казаки налили по первой чарке. Все ждали слова дедушки Петра, как старшего по возрасту. Он встал с табуретки и с поклоном обратился к собравшимся:

— Христос воскресе, казачки-уральцы!

— Воистину воскресе! — хором ответили все и наложили на себя двуперстный старообрядческий крест. В это время раздался первый удар колокола с колокольни Старого Михайловского собора, стоявшего на высоком яру в Куренях и хорошо видного всем нам с берега, казаки повернулись к нему лицом и, перекрестившись, отдали поклон.

— Во как угадали! — удивлённо произнёс дед Митрич — К добу ренто!

Показался на реке пароход, идущий с низов, на палубу высыпало много пассажиров, видимо, вышедших из кают послушать праздничный малиновый перезвон колоколов. А послушать было что. Звонарь явно был «в ударе».

— Во наяривает, прости Господи! — сказал с улыбкой дедушка Пётр. — Хоть стяс в пляс пускаться впору.

Между тем пароход, приближаясь к пристани, пустил в ход свой реву.

— Эх, каку колокольну музыку испоганил! Разбазлался тут, а то яво не видят! Ядрёна вошь! — раздались недовольные голоса казаков, показывающих пальцем на стоящего на верхней палубе капитана, одетого в честь праздника в парадную форму.

— Иш, вырядился голанским петушком (птица удад — В.А.) и изголяется тут! Обчеству праздник

¹² В толковом словаре Владимира Даля (1882 г.) приводится следующее пояснение к слову «пеклевать»: «Пеклевать рожь, пшеницу, пск. молоть чисто, мелко и просевать. У нас пшеница пеклюется. Пеклеванный хлеб, пеклеваннык м., испечённый из пеклеванки ж., из пеклеванной муки, ситной и чистой ржаной, из яровой ржи».

испаскудил! — сказал с возмущением пожилой казак и швырнул подвернувшимся под руку камнем в сторону проходящего мимо парохода.

Долго ещё возмущались казаки непотребным поступком капитана. А мы, пацаны, решили: «айда яйца катать!»

Выбрав на земле ровную площадку, прочертили две прямые линии шагах в десяти друг от друга — одна «кон» (где располагались «на попа» в рядок крашенные яйца играющих на расстоянии в полшага), а другая «заступ» — откуда катают резиновый мяч, стараясь попасть им в чужое яйцо. Кто попадал в чужое яйцо, забирал его и ещё два стоящих по обе стороны от него. При этом строго следили, чтобы ноги катающего мяч не наступали за черту «заступа». Если кто-то ошибочно попадал в своё яйцо — тот забирал только его — «Разуй зенки-то, в свой яйцо попал!»¹³ Начали играть и, как всегда бывает в играх, возникли споры и шум, на который стали подходить взрослые казаки и давать нам советы. И постепенно они стали играть вместе с нами. Мы с удивлением смотрели, как из степенных пожилых казаков на

наших глазах они превращались в седобородых пацанов, ни в чём не уступающих в азарте нам. Все крашенные пасхальные яйца со столов были изъяты и перекочевали на «кон». Нас, мальчишек, как-то незаметно вытеснили из игры и мы с нескрываемым интересом смотрели и слушали, как из уст разгорячённых казаков летело:

— Чё, забздел (испугался), Иван Прокопич?

— Ну и мухля (обманщик) ты, дядя Митрич!

Страсти накалялись и дедушка Пётр, который не принимал участия в играх, наконец сказал:

— Ну, шабаш, старики-казаки, а то вы ребят малых из игры потеснили, отдайте им крашены яйца и давай за столы — бесбармак вскоре будет готов.

Казаки, смущённо улыбаясь, отдали нам все выигранные яйца и разошлись по своим местам. Яиц было так много, что я, набрав полную шапку яиц, отнёс их к столу, где сидели дед Митрич и дедушка Пётр с перевозчиками и со словами — «Христос воскрес!» выложил им на стол. Казаки, улыбаясь, отвечали:

— Воистину воскрес! Дай тебе Господь здоровья, сынок!

Отрезали мне приличный шмат копчёного балыка и наложили в чашку зернистой икры.

— Это тебе и твоей ватаге — ешьте на здоровье, да оставьте место для мяса, стяс бисбармак подавать будут.

¹³ У уральских казаков в разговорной речи очень редко встретишь слово среднего рода, чаще мужского: сено — он, яйцо — он, свой яйцо.

Из казана вынули всё варёное мясо в эмалированный тазик, а резаные на мелкие куски тонкие варёные лепёшки в другой, плеснув туда из казана две кружки сурпы (бульона), чтобы они не слиплись. Потом эти тазы пошли по столам. Каждый брал рукой кусочек мяса, кусочки варёной лепёшки и запивал горячей сурпой из кружек.

Встал с табуретки дедушка Пётр с чаркой в руке, все казаки примолкли, ждали слова старшего, и он произнёс:

— Што, казаки, ладно гулям — на вольном воздухе, на берегу сядова Яика Горыныча — Золотова доньщика нашева! Давайте же подыдем эвту чарку за тех, кто не дожил до дня сего, кто пал смертью яройской на полях сраженьев за отчий курень и кровинушек своих — родителей, сестёр, братьевников, родительниц и детишков со внуками, за Веру Православну и Честь свою казачью. За невинно убиенных и умерших от голодухи и лихоманок всяких в смутные години. И давайте сѣдни — в Празник Великий не будем их делить на красных и белых, своих и чужих. Я, как вы знаете, верой и правдой служил Царю-батюшке и Отечеству и отсидел за енто дело срок сполна, и с немцем воевал за Русь Святую и Веру нашу Православну, што и предки наши яицки казаки. И пусть земля им будет пухом, Царствие Небесное и Вечная Память. Аминь!

Все казаки перекрестились и молча, не чокаясь, выпили.

Тут один казак затянул «Полынушку», голоса сидящих смолкли и все заслушались протяжной — как сама степь, старинной песней, но вот на повторах стали влетаться и другие голоса, и над берегом зазвучало уже хоровое многоголосое пение полутора-двух десятков голосов. Потом были спеты и «В степи широкой под Иканом» и «Конь мой верный, конь ретивый» и даже песню староверов — «Со святыми упокой».

Подошли в обнимку — уже навеселе, Анисимыч с молодым казаком — соседом, который присился в артель перевозчиков и сказал, что принял предложение соседа поработать вместе. Вдруг этот молодой казак запел сильным красивым баритоном — «На краю Руси обширной вдоль Урала берегов...» — и казаки дружно подхватили — «Проживают тихо-мирно войск уральских казаков...» и вот, уже набирая силу, мощно звучит над водой самая, пожалуй, популярная в Приуралье песня Уральского казачьего войска. Застыли в воздухе последние слова песни. Наступила тишина. Пауза длилась долго — казакам самим понравилось, как они спели. И тихо прозвучали слова дедушки Петра:

— Ай да молодцы уральцы! Добро поём! А посмотрите — каков запеваля у нас объявился.

Недаром што из Свистуна! Што, в Свистуне все такие голосистые? Молодой казак смущённо отвечал:

— С таким голосистым хором грех плохо запевать!

Потом подошёл к дедушке Петру, который хорошо пел бархатным-глубоким басом и они о чём-то пошептались. И дед попросил общество:

— А теперь, казаки, нишкни — послушаем, парень петь будет.

Молодой казак встал у стола рядом с дедом. Все превратились вслух. И вдруг молодой казак тихо запел баритональным тенором:

*Вечерний звон, вечерний
звон,*

Как много дум наводит он

— голос крепчал, звук лился свободно и просторно:

*— О юных днях в краю
родном,
Где я любил, где отчий дом*

— и вдруг как эхо мягко вторит бархатный и густой, тихий бас деда: «Бом, бом...»

Молодой казак пел вдохновенно и легко, без нажима, и песня лилась, светлым родником растекаясь по поверхности вод седого Урала. Все мы, затаив дыхание, внимали этому чуду, звучащему не в музыкальном салоне, а на берегу Урала. И когда отзвучали последние слова песни:

*И уж не я, а будет он
В раздумье петь
вечерний звон!*

и заключительное, переходящее в пианиссимо, бархатное, как бы далёкое — «Бом, бом, бом, бом...» — мастерски спетое басом деда Петра, — никто не шелохнулся. И только я громко, как мне показалось, вздохнул. Дедушка Пётр помолчал и со словами:

— Ну, уважил — так уважил! Аж слеза прошибила — обнял и расцеловал молодого казака. Между тем казаки спрашивали друг у друга:

— И кто знает — кто придумал эту душевную, но незнаемую казакам песню? Наверняка — народная. Ты как думаешь?

Никто не знал и тогда обратились к певцу — молодой казак сказал, что узнал эту песню, когда служил в армии в Ленинграде, а научил его петь руководитель военного хора, в котором он пел. Стихи ирландского поэта Томаса Мура, перевод на русский язык Ивана Козлова, музыка композитора Александра Алябьева. Казаки качали головами:

— А ты не путаешь часом? Сумлеваемся мы, што таки душевные слова мог написать иноверец и не толмач (переводчик), ну, на худой конец, Ляксандр Сергеевич Пушкин, он хуч и арапского происхождению, но коренной — наш, русский, значит, а штоб ирланец какой-то — сумлеваемся мы. — И никто их сомнение развеять не смог.

Вечерело, от воды потянуло холодом. Встал дедушка Пётр и произнёс:

— Ну вот, казаки-уральцы, похристосовались, праздник на берегу провели, попили, поели, погутарили и спели добры песни — пора и по куреням расходиться, а то родительницы ваши уже выглядывают вас из дворов и оконцев — ждут кормильцев. Пора и честь знать! Наливайте, кто хочет — по «стремянной» выпить, и айда по домам.

Появились у костра жёны казаков и стали собирать посуду и остатки еды. Пришла тётя Нюра и принесла дяде Егору костыли.

А казаки тем временем налили по «стремянной», выпили и стали прощаться. Пора было идти домой и нам, пацанам, — завтра в школу.

На западе догорала заря и на её фоне, на высоком яру над домами Куреней высился, как часовой, Старый Михайловский собор с подсвеченной в честь праздника колокольней, а внизу широкой лентой текла и блестела серебром вода Урала, соединяющая Европу и Азию.